

Жозеф Бедье

Быть поэтом в науке — удаль немногих, даже в той области, которая, казавшись бы, больше всего требует сочетания художественного дара с аналитическим. В области истории литературы. Такие люди редки, потому что слишком труден их путь, потому что, чтобы стать поэтом, они должны возрасти на той самой почве, от которой им судило потом отделиться и которая съест высоты влета должна стать в их глазах ограниченной и уютной.

Одним из таких людей — Жозеф Бедье, творец современного учения о литературе средневековой Франции, и наиболее сильный современный реформатор литературной науки. Такого школьного определения его заслуг, не поспыравшегося самого главного. Самое главное — в нем самом; оно выше и глубже его научной роли.

Он прошел твердой, гудкой поступью по всей обетцатель галлерей французского средневековья — этот путь продолжался слишком тридцать лет, а если те перь, к концу странствований, перебрался поочередно все великия творения старой Франции, он отяжелел назавь, ему привалил дивный рьял поматухающихся иди изверженных ядовитых и другой, ноный рьял воссрещенных им, прежде неведомых богов.

Наука о средневековой литературе содрать в себя одну глубокую культурную и эстетическую проблему, дано по-настоящему, но никак еще не разрешенную: проблему взаимоотношения искусства и литературы, литературного творчества и искусства. Принадлежит ли поэтическое творчество своему корню в человеческом бытии, в слове, или в том факте, что бы исторический, рациональный эстетический поэм, и есть ли вообще действительность, основа и базис примитивного творчества?

В эпоху романтизма этот вопрос развился очень просто и легко; братья Гриммы, Гердер, а за ними все другие, провозгласили теорию Naturdichtung, противопоставляемую Kunstdichtung, как творчество стихийное, срощенное с фактом, историческим или легендарным, противопоставляемое творчеству волевого, искусственному, творчеству человеческого сознания. На поставленный здесь вопрос романтики отвечали утвердительно, признавая эпоху откровения истории, а роман — занисью народной легенды.

Это учение выдержало непутучий натиск со стороны филологов строго научной формации во второй половине 19-го века, но в общем и целом удержало влать до наших дней. Оно рухнуло навсегда и безвозвратно, когда появилась работа Бедье об эпических легендах Франции.

Проблема, о которой идет речь, конечно, шире и глубже темы этой работы. Эпические легенды Франции — лишь частный случай в громадной серии однородных явлений, и было бы можно желать, предельно шире и легче подойти к ним, достигая к ним путем, сдвывая их главной аксиомой учения о человеке. Но достояние Бедье именно в том, что он поставил иначе, что он построил свое учение на фундаменте индуктивного исследования и оперел на строгий аппарат филологического анализа.

Из выводов не выросла из теории; но борясь, теория лишилась, как результативности выводов. Но шипль построенного здания упрямается в такія пути, так далеко уходить за собой в водворе зрения, что тщательность его анали-

за бабабсь, пердь широтой епическеских построний.

Он ставит проблему в простейшей форме: когда была создана эпическая поэма средневековой Франции? Одноименно да е воспитыи в них «историческими событиями, как думала старая школа, да, для много дль спуста? Правда, последние до нас памятники относятся только к XI - му, XII - му и XIII - му вкамь, и потому рьял идет не о датъ сохранных поэм, а о существовании предшествовавшего им предания. До Бедье наличие такого предания признавалось фактом неоспоримым; с легкой рукой романтиков ему было дано название: «кантабены» — «эротки» лиро-эпическая поэма, творимая на мьст и в моменте воссвояемого события, творимая не единичным автором, а стихийным порывом плбаго народа. Таких кантабены никто не удалось по существование их постулировать дабы объяснить рост и происхождение эпической литературы. Тут в проблему историческая вылетается роль, еще больше широкий вопрос: какова роль индивидуума в создании первых памятников человеческого рьяи в письменности?

Бедье наивает свяснения различий между исторической жетной и якобы постронными на ней эпическими преданиями. Различия эти таковы, что оказываются невозможными приписать эпическую традицию современным историческим событиям. Пьсна о Роландъ постронна пьлжком на мученическом подвиге племяника Карла Великого, навшато в борьбу с врагами хрстатства, сарацинами. На самом же дль исторический Роландъ пал в борьбу с басками, т. е. хрстатнами, и, следовательно, исторический эпический поэм не могла окружить герою ореолом мученика за вьру. Дальнейшее исследование показываеь, что есь без исключения «исторические» элементы пьсны о Роландъ, можно и должно приписать реминисценциям XI - го и XII - вкамь, сохранными в нескольких строках хроник мьстного монастыря и искаженными благодаря разностию, отдаляющему их от исторического события. Для объяснения исторического канва пьсны о Роландъ оказывается достаточным предположить, что жонглер XI - го вька постронил этот монастырь, вьдвиг гробничьего Роланда, Оляне и Ауды, певцы Роланда, и записал впервые свою повесть, вложенную им самим в рамку той традиции мученичества, которая только и может сообщить легенды о подлинный характер. Этот поэм был один; он был такъ же индивидуальным творцом, как все поэты вьшь времени. Он должен был трудиться за своим столом, подбирать сочетания ситуаций, оттачивать строка и слова, и точно так же, как нельзя вьрить современным мастерамь слова, когда они говорят, что поют, как птицы, по стихийному велению, нельзя вьрить романтикамь, утверждающим стихийное бытие первоначального эпоса.

На мьстепрежняго стихийного, мьщеского начала, выдвигается новое, столь же прекрасное, но более правдивое. «Копечно, она была прекрасна в своем, романтическом порыве, эта теория, которая дьлава поэтическое творчество плодом сотрудничества многих тысяч людей. Но есь зрябще еще более прекрасное: это зрябще человека, который вопль своего гения творить драму, вьчно вьдождущую, и неизбывную вь своей человекности».

Бедье возвращает индивидуальному творчеству его приоритет в развитии литературных форм. Совершенно якими путями, чьмь это дьлаось досех пор, пьтний строго аналитическим, он дождь до грандиозного спуска — епидея

индивидуальной личности, покрывающей собой все протяжение творческого опыта. Бедье — реалист, он видит вещь изнутри, в строгом разрьбь, но он ведет нас в то же время к приятной новой вьре, нового учения о человеке. Наличие этого синтетического задания в творчестве Бедье — сожмьнене дара поэта, отического видения с твердостью реалистического построения — есь явнее и исключительное по самой своей сущности, не поддающееся классификации и едва уложимое в рамки сознания.

Бедье известен далеко не только своими работами о французском эпосе: при веденная выше цитата взята из его труда о Тристанъ и Изольдъ, гдъ проводится та же основная мысль, что в других. Мало того: сам — творец одной из наиболее совершенных легенд о Тристанъ и Изольдъ, что бышний раз убеждает в силе его творческого взлета, достаточно остановиться на любой страницей его Roman de Tristan et Iseult. Это — великая старинная повесть, самая волнующая из всего, что создало человечество, вложенная в новую оправу, но нетронутая в своей суровой и стихийной красоте.

Бедье прочитъ жьзнь обычно, прочитъ все ступени французской академической иерархии, от учения Ecole Normale до профессора Collège de France и члена французской академии. Он жьвет как все, в латинском квартале, у самой Сорбонны, окруженный шумной оредой учителей и коллег. Но он не походит на последних. В нем пьть закрученность, пьть аллоном учителя. Он не раз краснеет, когда говорит в кафедре Collège de France. В нем пьть свойственной ученым коллективной гордости: слова осуждения любимой «science phi losophie» и традиционной научной рутинь перескапють его рьч. Ньтъ в нем и французской легкости в разговоре: рьч: всдвываеть как оль бьленишо отпикаеьт нужная слова, как не по французски трудотечет его рьч, насыщенная творческим усилием. А потом вглядеть в его смьяне и острь, как уколъ стали, голубые глаза, когда он кладет перо и ловить еще не окрившую мысль и вонять еще не окрившую мысль и вы увидете, что есь рука этого человека совмьшнется сь пьль и вьсть, что он создает вьт своей духовной стройности и, что это один из тех немногих, про кого сказано: « le monde ne vaut que par quelques hommes ».

Евг. Винаверъ.

Апокалиптическая маниловщина

«Проблемы русского религиозного сознания» — так называется новая сборник российских религиозных философов, в прошлом году выступивших под знаменем — манифестом «София». Название отчасти не совсем точное. Для авторов сборника — по крайней мьре для большинства из них — «проблемы» — то в сущности нть, или почти нть. Темь больше, впрочем, их для читателя. Ибо если для авторов все ясно, все просто и все рьшено, — то читателя не может не повергнуть в недоумьне разнообразие и разно-

гласие этих, сь безапелляционностью и безоказательностью откровения — или сорного постановления — при полносимости ему рьшений. Такъ, напр, по мьнию Бердяева, русская церковь всегда была «не оть мира сего», всегда была — по самой сущности своей — пассивна и потенциально, не вмьшавшаяся и не должна была вмьшаваться в дьла мьрския, въ царство Кесаря. Православие хранило источник вьры, укрьпляло духовный опыт, внутренне шло къ новому Иерусалиму, къ концу времени. Оно отрицало мьр, бытъ, земную, зьбшнюю, поостороннюю жьзнь. Оно все вь сжидания конца, Апокалипсиса, преобразования, Страшного Суда, Царства Божия. Вь этой по пассивности его величие и сила — и объяснение сь другой стороны, почему православие так мало проникло в жьзнь, так мало окрасило собой зьбшнюю, земную жьзнь России — вь противность мироержавству католичества, Царство Божие подмьнившему Царствомь Кесаря. Но послушаемъ Карсавина — и окажется, что основное отличие православия, его сущность, выражаеьт вь томъ, что оно, вь противность католичеству не аскетично, не отрицает мьр, а, наоборот, благословляет его — и благословляет мьр, и жьзнь зьбшнюю, земную. Оно оть мира не огораживаеьт, для него церковная дьятельность не полна, если церковь не берет на себя задалъ общественных и государственных. Вьсьмь этимъ объясняется специфическая связь русской, а еще раньше византийской церкви сь государствомъ: И вопль естественно, что византийские цари и русские цари вмьшались вь церковно-догматические споры и церковную жьзнь — и обратно, не менее естественно, что церковь и подчинялась государству и сама вмьшывалась вь дьла чисто государственныя, ибо свьтская власть не вьнъ церкви. Она такая же церковная власть, как и власть иерархий. Такие акты свьтской власти как война, принуждение также лежать вь сферь церковной.

Недоумьне усилилось когда сь одной стороны от проф. Лосского мы узнаем, что идея космической монархии — Единого Бога — ничуть не влечет за собой необходимость проведения монархического принципа ни вь церкви, ни вь государстве. Наоборот, по весьма резонному мьнию Лосского, именно религиозное мировоззрьние и органическое понимание дьствительности, какъ космической и социальной, скорь воспрещает видьть вь земном индивидуумъ воплощение социального тьла, народа, государства, церкви. Вь этомъ «республиканизмъ» проф. Лосский склонен даже видьть основное отличие православной, соборной церкви — вь отличие оть монархизма католичества, — а сь другой стороны, оть проф. Карсавина услышимъ, что царь равночестенъ Богу и что будучи исторически связанною сь государственною, церковь русская, конечно, может желать только наилучшей ея формы, т. е. самодержавия. От проф. Зеньковского мы узнаемъ, что вся русская культура имьет своей основой православие ибо — вь противность мьнию Бердяева — православие создало русскую жьзнь, русский дух, русский бытъ и такъ пропитало собою русскую душу, что все что было вь России, не только Достоевский и Толстой, но

также и Пушкинъ, (для Бердяева — Пушкинъ — единственный представитель Ренессанса вь России), Бьлинский и Герценъ — все это православие. А сущность православия — вь свободе, преимуществе же русского православия — (вь этомъ пунктъ Бердяев согласенъ сь Зьньковскимъ) вь томъ, что носителями его религиозного сознания были «народы» и мьрине часто пресьдуемые за это церковной иерархий. Проф. Зьньковский согласенъ сь Карсавинымъ, что православие не отрицательно, а положительно относится къ мьру, утверждает его — и вь этомъ его большое достоинство; вьпрочем, по мьнию Бердяева, это объясняется влияниемъ на русское православие русского языка. Это положительное отношение къ мьру вполне ясно изь того факта, что вь православномъ культъ и религиозномъ сознании величайшимъ праздникомъ является Св. Пасха — смерть крестная и воскресение Христа; аскетизмъ же и отрицание мьра католичествомъ явствует изь первенствующаго значения праздника Рождества Христова, т. е. воплощения.

Изумительнымъ покажется пожалуй открытие проф. Карсавина: сущность православия вь идее всеединства, о чьмъ, къ сожаленью оно, до сей поры, — (т. е. до воспрятя ея Карсавинымъ оть Николая Кузанского и Баадера) — ничего не знало.

Однако, не во всемъ мьния авторовъ сборника такъ противорьчат друг другу: кое вь чьмъ они и сходятся. Вьсь напр. согласны вь томъ, что «Западъ» России не указъ и не наука, что «у ней особенная сьта» и что поэтому къ России неприменимы и вь России неосуществимы западно-европейския формы государственных отношений вообще и отношений между церковью и государствомъ вь частности. Вьсь уверьны вь томъ, что вь России немисливо отьделение церкви оть государства, немисливо «юридическая», «договорная» отношения между «священствомъ» и «царствомъ», «народомъ» и «властью». Немисливо — поскольку Россия будет сама собой, т. е. «своятой Русью», Россией православной; вьрны эти плоския попытки западничества, ибо они разрушаютъ русский идеалъ, русскую идею «всеединства», любовного единения, органического цьлаго; подмьняютъ религиозное стремление русского народа къ «царству Божью на земль Преображенную» желаниемъ мьшанскимъ и пошлымъ «устроиться» на «этой земль». Ибо русский народъ аполитиченъ, русский народъ апокалиптически, русский народъ стремится къ преобразению, русское православие не ищетъ благъ земныхъ. Ибо демократия, социализмъ, конституция, — это все земное; стремление къ сытости — мьшанство, великое искушение Давола, не хльбомъ единымъ etc. etc. etc. Мы же, т. е. русский народъ, ждемъ царствя Божия на земль, преобразования, апокалипсиса — такъ безь усталости твердят вь своемъ дьланномъ кликушестве Бердяевъ — царство же Божие приходить какъ катастрофа, ибо никто не вьдаетъ времени, ни сроковъ.

Немного странно послъ такого заявления услышать тутъ же, что мы вступаемъ вь послъний периодъ, периодъ апокалиптический — хочется спросить, откуда онъ это знаетъ? Впрочем, оть вьрдомъ — проф. Франкъ, совершенно вьрно, на нашъ взглядъ, отмьчая наличие религиозныхъ мотивовъ вь

русской революции, указывая на религиозно-хилиастическую природу лозунговъ «миръ всему мьру», «миръ жьзньнамъ» — война дворянъ» и т. д., объясняетъ религиозный смыслъ русской революции: это послъняя борьба царства Кесаря, т. е. рационализма, интеллектуализма, социализма, демократии и прочихъ исчадий аловыхъ противъ царства Божия, послъняя попытка человечества «устроить» «безь Бога». Противъ этого то безбожия и ополчались наши крестоносцы; на этотъ новый «крестовый походъ» зовутъ и насъ. Впрочем, этотъ крестовый походъ — походъ исключительно духовный, ибо какъ иь мало любить Карсавинъ свьтскую власть но... «нсть власти аще не оть Бста». Когда же исполнятся времена и сроки и будетъ новое небо и новая земля... Признаться по правдъ мы думали сначала, что преобразование назначено этакъ на будущий вторникъ или, ужь самое познее, на субботу, и были несказанно удивлены, узнавъ оть Бердяева, что послъний апокалиптический периодъ можетъ продлиться и ньсколько тысячъ леть. Ужь очень долго ждате! И что же дьлатъ пока, до времени и сроковъ? А до тьхъ поръ можно помятать. Помятать о Преображении, помятать о всеединствъ, о новомъ догматическомъ развитии вь православии, о единении церкви, о томъ, что папа Римский опять соберетъ вселенский соборъ и — очень просто — признаетъ его превосходство надъ папской властью, а вьсь доселъ бывшие соборы, послъ сьльмого приказа счтать только помьстными, соборъ же вь свою очередь признаетъ его главою вселенской церкви, и все будетъ очень хорошо и вьсь объединяеьт, и будетъ елинение, и будетъ большой мостъ и на мосту будутъ ланки и по этому мосту царь — самодержавный, конечно, и прьвосвященникъ, — хотя бы и неправославный сь покойнымъ Маниловымъ апокалиптически повелеть насъ вьсь, вкупъ сь Рабиндранатомъ Тагоромъ, который вьдъ тоже вь сущности почти «нашь» — къ новому небу и новой земль! И тамъ тоже будетъ царь и все тоже будетъ очень хорошо.

Вьпрочемъ, можетъ быть, я ошибся, назвавъ Манилова покойнымъ. Ужь не живъ ли онъ, и не онъ ли это открылъ что «Великий Инквизиторъ» Достоевского ничуть не направленъ противъ католицизма, а символизируетъ собой анти-религиозность вообще? А вьпрочемъ, можетъ быть, я опять ошибаюсь, и это действительно написалъ Вышеславцевъ. — Тогда основание открытию иное. Болье глубокое. И разрозненная вь книгъ по адресу папы и католицизма безбожности быть можетъ означаютъ попытку «реальной церковной политики» нашихъ «отцовъ церкви».

— А.

ПРИЕМЪ ПОДПИСКИ ВЪОБЪЯВЛЕНІИ
а также розничная продажа газетъ
«ПОСЛЪДНЯЯ НОВОСТЬ»
и «ЗВЕНО»
въ районъ Волыного города
—:— ДАНИГА —:—
производитъ вь книжномъ магазинъ
«ВЪКЪ КУЛЬТУРЫ»
DANZIG, Am Jakobstor 5 - 6.
Zophot. Кн. маг. «Въкъ Культуры».

ИНДІЙСКИЙ ОКЕАНЪ

По рошамъ пальмъ кипилять ливень дымомъ —
И снова солнце, вь бльскъ нестерпимомъ,
Ударило на зеленъ мокрыхъ вайи!

И туца противъ солнца смоляная,
Надъ рошамъ вздвигалась какъ стьна —
И радуга горитъ на ней цвьтная,
Какъ входъ вь Эдемъ роскошна и страшна.

И снова, шумень и глубока,
Ты возставалъ и загорался —
И отъ звьзды къ звьздъ шатаеьт
Великой тростью выбій фокъ.

За валомъ вьстръчный валъ бьжалъ
Сь выханьемъ пламеннымъ муссона —
И хвостъ алмазный Скорпиона
Надъ чернотой твоей прожаль.

Бываеьт море бьлое, молочное,
Вьсьмь врьмий Апокалипсисъ, когда
Вьсь мьръ одно молчанье полночное,
Армады звьзды и мертвая вода...

Я помню, помню черное, грсеящее
Совьздыми жебо — и легко
Дымьшеся немучгомъ, лежащее
Вьсемьрной плащеницею Млеко,

Совурившись, глаза отводить прочь,
Какъ бы спльпить ихъ вьтотъ сонъ и ночь,
Гдъ черныи копей войное Горькая,
Гдъ жгучихъ солнць алмазная Мойла.

Ив. Буиниъ

ВОЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ

Будущему историку и психологу «великого русского расьзяния» надлежитъ уяснить, какъ разнообразныя среды и культуры, сь которыми пришлось соприкоснуться русской душъ, вь разной степени и по-разному воздьствовали на нее: то ломая, то обогащая и укрьпляя, то вьдугъ выливая вь ней свойства, долотъ скрытия вь какихъ-то подсознательныхъ глубинахъ и, наоборот, заемьняя то, что раньше казалось основнымъ и существеннымъ.

Думаеьт, что, сь этой точки зрьния, Иностранный Легионъ дасть особенно показательный материалъ. Дьло вь томъ, что среда эта — чьнь цвьтная, характерная и, главное, совершенно изолированная; словомъ, вьсь условия идеально-поставленного эксперимента здьсь налицо.

Но ставить вьсь эти вопросы еще не время; и теперь уже возможно и должно намьтить только подходы къ нимъ. А школа Легиона, которую суджено пройти столькимъ изъ насъ, и сама по себе крайне поучительна для психолога. Знаютъ же о Легионъ мало и судяте часто превратно. Французские источники большей частью чисто официальные. Вь Германии же существуетъ о Легионъ цвьлая литература («Weisse Sklavens» и тому под.) литература полная наглои лжи и имьющая назначениемъ пологрвать прьблвующая германскія добродьтели — «deutsche Ehre» и «deutsche Treue». — И не даромъ: коллективно (вьпрочемъ только коллективно) германцы вьсь вьдовъ составляютъ основной элементъ того аггломерата расъ и национальностей, какимъ является Иностранный Легионъ (затьмъ вь порядъ численности, сльдуютъ русскіе, балканскіе славяне, румыны и, наконецъ, латинскіе народы, турки, арабы).

Назначениемъ Легиона искони было: собрать и исполнять вьсь то, что

венуэсно Европы; и составъ его издавна слагался подъ влияниемъ двухъ факторовъ.

Первый факторъ — постоянный: это — непрерывное выдьление европейской цивилизации «лишнихъ людей» всякого рода (люди сь зайтанной репутацией, обанкротившеся, отчаявшеся вьсьхъ видовъ, бродяги, дезьртеры и проч. — отъ константинопольскаго хамала и парижскаго апаха до разстриги епископа и германскаго принца включительно).

Второй факторъ, дьйствиющий сь перемьною силой, находится вь зависимости отъ историческихъ событий и частныхъ условий времени и порою, какъ вь наши дни, даеьт Легиону основную массу его состава.

Бывають события, благодаря которымъ оказываются вдругъ «лишними» тысячи и сотни тысячъ; тогда цвьлая толпа идутъ вь Легионъ и, подчиняеьт его основному тону, сами отчасти дьствуютъ на его бытъ и придаютъ ему специфическую окраску, характерную для данного времени. Такими событиями были когда-то: польская эмиграция, аннексия Эльзаса; таковы вь наши дни: поражение и оккупация Германии, неудача коммунизма Бельи Куна, русская эмиграция.

Втечение почти столетья, Легионъ непрерывно принимаетъ вьсь эти отвергнутыи Европы элементъ, вбираеьт ихъ, перерабатываетъ и созлаеьт изъ безъсвязнаго аггломерата — стойкое боевое единство, а изъ «лишнихъ человекъ» — цьльный и тьрдыи тьпъ Легионера.

Но какъ слагается тьпъ Легионера? И вь чьмъ та цьпность и ассимилирующая сила Легиона, которая позволяетъ ему свести вь единство вьсь многообразное небрестанно-приблвующихъ элементъ? Чтобы понять это, мы должны прежде всего понять, что Легионъ былъ со-

зданъ, существовалъ и нынъ существуетъ — для войны и только для войны. Его строй и бытъ слагались и видоизмьнялись только вь отношении къ этой основной цьли, втечение столетья вываривались на дьль; и потому все нецльсообразное, лишнее — перерождалось или отпадало. Мексика, Севастополь, Тонкинъ, Мадагаскаръ, Европейская Война, Марокко... — и сколько еще войнъ — создали и отточили его дисциплину, твердость и гибкую вь сьдо и то же время. Мьнйя, общественныя настроения и взгляды — все это не отразилось и не могло отразиться на его организации: никто, къ счастью, о немъ не думалъ, пока тамъ, вь далекихъ колонияхъ, онъ совершалъ свое трудное дьло. И нынъ вьсь формальный строй его существования твердо и неизменно опредьляется королевскимъ приказомъ отъ 13-го марта 1833 г.; а частное, конкретное — опредьляетъ война (причемъ, для каждого данного периода, — та война, которую приходится вести вь этотъ периодъ). Отсюда одновременно — и строгая традиционность, непрерывность и безконечная эластичность, измьнчивность, — какъ бы органичность существования этого, единственного вь своемъ родъ, «военнаго монастыря».

Буйный, крутой монастырь, — но монастырь. Мнъ всегда казалась, что это слово глубже и существенней всего выражаеьт основной тонъ жьзни Легиона. Вседневное отречение странно роднитъ вь душъ легионера со вседневнымъ раздумьемъ. Это отречение начинается здьсь сь первого же дня, со дня «великаго пострига» — на пять леть, что значитъ, обыкновенно: на всю жьзнь, ибо изъ Легиона не уходитъ, а уходяще возвращаеьт: скучно вь мьру. Вь этотъ день непроходимая черта ложится между прошлымъ и настоящимъ. Пришелъ ли сюда человекъ, что бы забить свое прошлое, чтобы искупить его или просо потому, что некуда было ити — не все ли равно: сь этого дня все прежнее существуетъ только вь воспоминанияхъ, и всякая связь сь мьромъ навьки порвана.

Уставъ твердъ и простъ. Какъ послушанье даны — вседневный путь, служба, работа. Все предпродьлено, все предначертано. Но есь еще — радость боя, всегда новая и нежданная; и есь короткое, острое забвение разугла. Должно быть, какая-то странная притягательная сила свойственна этой скудной жьзни, если для многихъ тонко организованныхъ людей, со сложнымъ и необычнымъ прошлымъ (я знавалъ такихъ вь Легионъ) — всякая другая жьзнь казалась бьдной, запутанной и прьсной.

Дисциплина Легиона, непрерывно вывариваемая на дьль, лишена догматического формализма сь его неизбежнымъ послъствиемъ — распушенностью. Все здьсь опредьляется понятиемъ цьлесообразности; поэтому самая крупная мьра воздьствия здьсь допусамы, но малъшая некорректность попусту — строго наказуема. Вообще, приказывать вь Легионъ — при многообразии расъ и рьзкой выраженности характеровъ — дьло сложной психологической тренировки: нуженъ большой тактъ и большая зоркость къ нюансамъ. Человьческий материалъ, надъ которымъ приходится здьсь работать, — не рыцарий и липкий (мобилизованные молодые люди европейскй армий), но крьпкий, крутой, неподатливый: словомъ, — лучший материалъ для умьлаго мастера.

Значение каждого опредьляется, все дьло и до конца, той функцией, которую онъ способенъ здьсь выполнить. Поэтому дослужное прошлое легионера никуда и ни вь чьмъ не прьнимается во внимание (хотя есьвдомленно о немъ — необычайная). Откуда же — абсолютное безпристрастие къ расамъ и национальностямъ, подчеркнутое во всемъ до педантизма; одно только поприше мудро предоставлено национальной борьбъ: это — соревнованье (вь бою, вь работъ, вь службъ — во всемъ); поэтому вся страстность национальныхъ счетовъ всецльо переносится вь соревнованье. (Вотъ знаменательный примьръ того, какъ здьсь вьковымъ опытомъ научились использовать всякую